

Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в.

*По современнымъ описаніямъ *).*

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кievскій генераль-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговоры о принятіи, становится „главнымъ ихъ командиромъ“, какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронуть былъ ни сколько, но посредство генераль-губернатора требовалось для представленія всеподданиѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для виѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожья къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій ретрашпаментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдями и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генераль-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчь особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнилъ генераль-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ отмѣнѣ ихъ самоуправленія. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду“, а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ растрепанномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кiev. губ. правленія. — А. А.

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи своевольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „своевольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „если воровство и своевольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „своевольныхъ поступковъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовалъ наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждаетъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отпращивался въ Сѣчь подполковникъ Глѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Въмѣсто обычнаго избранія Кошеваго всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генераль-губернаторъ допускаетъ свободный козацій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные репорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генераль-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скорого и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ своевольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привести, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регулъ вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проэктовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію запорожцевъ отъ „своевольствъ“ изыскивать „пристойные способы“. Между тѣмъ пограничныя споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной комисіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Я не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія¹⁾, въ которомъ пришлось участвовать Никифорову, ни тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ распоряжковъ въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

¹⁾ Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгоцінный матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофициальный документъ, озаглавленный такъ: «Журналь всѣхъ разговоровъ и преній комисіи» -- и напечаталъ его почти цѣликомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Сношенія Запорожья съ Крымомъ», ставшей теперь библиографическою рѣдкостію. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самая жалоба татарскія, представленныя Леонтьеву и возбуждившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственного производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой комисіи и противорѣчія тѣмъ несомнѣннымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были и особыя претензіи буджацкаго сераскерь-султана, отъ котораго и депутаты въ сказанную комисію прибыли раньше. Кроме того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ репортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйствія-же слѣдственной комисіи открылись 25 мая.

Въ комисію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскерь-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной комисіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусательный“ выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотями и курьезными церемоніями“ и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „проездно время препровождать“ и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ порядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею¹⁾. Въ помощь ему присталъ войсковой писарь Петръ Чернявскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмѣнѣ выборовъ въ Запорожьѣ и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

¹⁾ Вообще какъ бывшимъ въ Сѣчи офицерамъ, такъ и послыавшимся туда нарочно, поручалось нѣкоторое соглядатайство за дѣйствіями сѣчевой старшины, и о ней она сообщала свои аттестации. Мы встрѣтились особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдываніи объ учрежденномъ на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василя Григорева Кошевомъ-же атаманѣ Павлѣ Козелецкомъ, какаго онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. сената, кончилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой быть порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ“. Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Черныявскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру принималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генераль-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ“ собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонесенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся“. Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го генваря „для единого извѣстія“. Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣми запорожской выборѣ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разные мѣста въ полковники, обьявленно въ новомъ годѣ, сего 1749 года генваря 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по ихъ обычаю что слѣдовало, значить у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по стенамъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ козакъ съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣми болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презѣльные пльницы, изъ людей по здѣшнему называемые *сиромачи*, не имѣющіе у себя не точю лошадей или какого скота, но ивже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весенятаго времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отслушаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ купленное вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія козаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того безпрерывно приходящихъ къ нему поить виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Миргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ непрерывномъ пьянствѣ, чиня при томъ неописанное своеволие и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угонены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависитъ, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А незадолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьей, съ виномъ погребѣ, дабы пьяницы и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человекъ изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, по просту сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собой соглашались тайно, кого въ кошевые отаманы, въ судьи, въ писари, въ эсаулы, въ довбѣши или литаврички и пушкарн выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургии Кошевой и куренные отаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куренямъ и за городомъ по дворамъ.

Вскорости послѣ того лежащій въ церкви прапоръ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клейноты, такъ бунчуки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близь трапезныхъ дверей, да къ тому принесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковой судья, взявъ жалованья, длинныя и серебромъ оправленныя, трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебрянную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, постановились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные отаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошевого и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаетъ къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ наиболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городкѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольѣхъ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро все собралось, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ ярлыкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которыя рыбною ловлею на который курень достанется. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: помянутый войсковой писарь заблаговременно все рыбныя ловли по числу куреней росписалъ по ярлыкамъ и тогда, положи все вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобрали, означенный-же писарь тѣ ярлыкѣ всѣ вслухъ прочель, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро помянутые отаманы разошлись, тогда, ради наибольшаго собранія козаковъ, довшинъ или литаврицикъ билъ на литаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, такъ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія вышеписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину северными и ненотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишать того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шанки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шанки, убѣгаютъ въ курени или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части держащіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а иные и за волосы тянули, говоря: будьте, наны, здоровы и сыры, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Нишиту Санбиза лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василя Богацько, да въ эсаулы васюринскаго куреня изъ простыхъ козаковъ Петра Давыда, а прежняго прогнали булачьемъ, да въ волковники въ Гардъ, въ Колмусь, въ Кайдакъ и въ протчія мѣста которыхъ надлежало пять человекъ, но вмѣсто того двадцать человекъ избрали, стараяся всякій отъ своего куреня въ таковыя чины удостойть, чиня при томъ между собой жестокия драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: ови за волосы тянули, а ови по бокамъ булачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пустилъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворамъ и на счетъ вновь избраннаго судьи брали изъ одного шинка

вино котлами, коновками, ведрами и горшками, коего разобрано на немалыя деньги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чиня между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишить, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинить, о коемъ ниже сего послѣдуетъ.

Генваря 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи внѣ городка, чинили выборъ въ пушкари при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же постоянные и зажиточные люди, кои въ Сѣчь для смотрѣнія пріѣзжали, разѣхались въ свои зимовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, взявъ изъ церкви литавры (кои для того положены были, дабы своевольники бѣючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ били сборъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшись и поймавъ одного бывшего предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не имущаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсауль Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершись, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неотмѣнно на ихъ раду шель, который по необходимости и крайне опечалился, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьей и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о коихъ уже выше упоминается, и такъ оныя, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку отнявъ, прогнали.

Оныя-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показать, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнать, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оныя били сборъ, дабы охотниковъ собиралось; къ чему нѣкоторые два человѣка куренные отаманы тѣхъ сиромыхъ поощряли, да и сами между ими замѣшались.

Какъ скоро базарные о такомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до разоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ рвомъ и служитъ за башню) и вонь изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а сиромыхи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судьей, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посланныхъ отъ себя служителей, всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались сиромыхъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ налками и всякимъ увѣщаніемъ отвратили.

Въ день 3-го генваря, по отслушаніи божественной литургіи, Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ сиромыховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминалъ и увѣщевалъ, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожья не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосужденіе войску запорожскому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судьѣ прежде выбранному Богацькѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнимъ, кои до сего были.

По скончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдео было, понеже Кошевой атаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогаль, а можетъ быть и самое описаніе состряпаль, войсковый писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генераль-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій главнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана“ и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ не порядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно“, но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старики*, которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія“ и войсковую печать было отдалъ ему, но убоялись безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это,—„многаго страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всимъ тимъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всенародное смятеніе“. Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Кошу, во время выбору въ Кошове и въ протчую старшину, соберутся изо всѣхъ мѣстъ и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслугахъ козаки, но только по большой части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлomu народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, объ оныхъ собрався съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору голосу съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пьянствѣ взявъ, кто имъ по ихъ прихотямъ надобенъ, ведутъ къ постановленію въ старшины, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на ихъ и на приведенныхъ ими въ Кошове и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковые не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ препятствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбраніи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые отамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой перемога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленіе бываетъ, но точію болѣе по ихъ подлого народа упорству чинится хотѣнію; и притомъ выборѣ великія страженія курень съ куренемъ имѣють, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодія между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотять выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помираютъ-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пронадаеть, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находились, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятежѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманы и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятеніе такимъ случаемъ: какъ оне подлой и подозрительной народъ не могъ упрямымъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнію постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ надлежащія свои въ здѣланныхъ въ церквѣ Божіей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божіей въ вечернемъ пѣніи установились, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божій, съ превеликимъ крикомъ гикнули и, ворвався въ ту церковь Божію, вытащивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричавъ сквернія слова, учили бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передрались и перебились едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнію, чего ради принужденъ былъ служащій въ то время священникъ остановить и службу Божію, отъ котораго мятежа и кровопролитія, даже поѣа она освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божіей.

Представляя свою записку, Чернявскій просить, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кіевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый рядъ писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, трепеща за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проэктированныхъ имъ перемѣнъ и невольно подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожьѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генераль-губернаторъ Леонтьевъ, внявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожьѣ войсковой старшины по назначенію, то получилъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредить правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному праву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами не сходное быть признаваетъ, и для того-бъ нынѣ оного не чинить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не утомонились и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добиваясь отмѣны самоуправленія Запорожья и рисуя оное самыми черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую краткую замѣтку о произошедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожской при войсковомъ Кошу былъ въ кошевые и въ протчую старшину выборъ, и тогда, сбѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшего кошевого отамана Якима Малого, съ рангу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ упущенія штрафовалъ, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убить былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако. на всѣ эти страхи и ужасы, которые такъ краснорѣчиво изображали секундъ-маіоръ Никифоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошеваго и судьи, „во всенижайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атаманьы выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презѣльными пьяницами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всѣ запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калнишевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую безпорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромахъ“, которая, составляя „славетное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.
